

ПАМЯТИ ПОСЛЕДНЕГО РЫЦАРЯ

(Вместо пролога)

Как давно это было! В другую эпоху, в другом мире... Только что окончилась Великая Отечественная. Еще было голодно и холодно. Я учился в аспирантуре истфака МГУ и, заработав туберкулез легких, пользовался карточкой УДП («усиленное дополнительное питание», или, по словам тогдашних остряков, «умрешь днем позже»). Стипендии не хватало, приходилось подрабатывать. Очень помогал Историко-архивный институт. Там в аспирантуре оказалось много моих товарищей, и я частенько заходил к ним в общежитие. Особенно дружил с кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Кабинетом кафедры заведовала милая девушка Леля (ныне доктор исторических наук Елена Ивановна Каменцева), которая опекала меня и

подбрасывала работенку (то «водяные знаки», то «русскую вязь»). И вот однажды она сказала мне с улыбкой:

— А сегодня я познакомлю вас с удивительным человеком. Последним рыцарем...

Не помню — то ли было заседание кафедры, то ли платежный день, но в кабинете собрался народ. Я узнал Л. В. Черепнина, А. И. Андреева (он в то время заведовал кафедрой), В.К. Яцунского. В числе прочих был и незнакомый мне человек довольно необычного вида. Было ясно, что он не молод — голову покрывала седина, — но держался очень прямо. Худой, подтянутый, он поражал изысканным благородством лица, тонким профилем и пристальным взглядом. И еще было в нем нечто удивительное. Одет он был в толстовку из грубой холщовой ткани, а на правой руке его сверкал необыкновенной величины золотой перстень с вензелем и, как мне показалось, графской короной. К этому-то человеку меня и подвела Леля:

— Познакомьтесь, Владислав Крескентьевич.

Он быстро взглянул на меня и протянул руку:

— Лукомский.

Так вот он каков, легендарный Лукомский... Последний рыцарь геральдического поля... Титулованный аристократ, энтузиаст своего дела, единственный у нас (а может быть, и во всем мире) специалист по гербовой экспертизе... Я знал о нем многое. Знал, что до революции он управлял Гербовым отделением Правительствующего Сената, а с 1917 года стал экспертом по национализации музеев и коллекций, что раньше он жил и работал в Ленинграде, но в войну там все потерял и переехал к нам в Москву. И еще я слышал от Лели, которая не уставала им восхищаться, что он как-то по-своему проводил занятия и был кумиром студентов.

Геральдика была моей давнишней слабостью. И конечно же наш первый недолгий разговор вертелся вокруг каких-то эмблем. Потом я присутствовал на его докладе: он тщательно разбирал какой-то частный случай гербового анализа. Потом я встречался с ним еще и еще, и с каждым разом он становился мне дороже... Ведь так оно всегда в нашей жизни: либо отталкивание, либо притягивание, и никуда от этого не уйдешь. Мне

казалось, что и я ему небезразличен — в его взгляде светилась симпатия. А еще потом он сказал:

— Я слышал, вы рисуете. И нуждаетесь в заработке. Тут намечается одно дело... Впрочем, приходите ко мне, потолкуем.

И оставил адрес. Так я впервые побывал у него дома. Жил он на улице Немировича-Данченко, в новом доме. Обстановка комнаты, где он меня принял, была самая простая. Да и книг в большом количестве я что-то не обнаружил, хотя и заметил несколько уникальных геральдических атласов. Он жил в семье, видимо, новой для него. Сравнительно молодая женщина, которую он представил как жену и артистку Художественного театра, обычно уходила, едва я появлялся. Была еще и девочка лет шести, к которой он относился с нежностью. Из всей нашей первой большой беседы мне особенно запомнился один эпизод. Разговор, как обычно, начался с гербовой экспертизы. Я усомнился в необъятности ее возможностей. Лукомский проворно вскочил с кресла и вытянул из шкафа какой-то растрепанный том.

— Вот, взгляните. Вы ведь медиевист? Это работа вашего старшего коллеги, хотя и написанная на русском языке, но на Западе известная больше, чем у нас... Это один из двух томов Дмитрия Николаевича Егорова, «Колонизация Мекленбурга в XIII веке». Работа была опубликована в 1915 году. Несмотря на то что шла война, труд до той поры малоизвестного ученого вызвал общеевропейскую сенсацию. Произошло это потому, что Егоров нашел совершенно новый, ранее не привлекавшийся исторический источник. Этим источником оказались... гербы! Да, гербы. Рассматривая изменения гербов ряда немецких и славянских семейств и порядок утверждения этих гербов в разных районах, наш историк начисто отверг господствовавшее представление о сплошной и быстрой колонизации славянской окраины. Он еще раз наглядно показал, что гербоведение — не забава снобов. Специалисты-практики, антиквары, искусствоведы, реставраторы знали это давно. Сколько раз исследование герба помогало там, где другие средства анализа оказывались бессильны!

Владислав Крескентьевич задумался. Некоторое время мы оба молчали.

— Но вернемся к нашим баранам, — вдруг встрепенулся он. — Вы обещали принести свои геральдические наброски. Покажите.

Рассматривал внимательно, с интересом.

— Я работал со многими художниками, в частности с Билибиным и Нарбутом... У вас еще нет своего почерка. Но думаю, он появится...

И тут он изложил суть дела.

Главное архивное управление согласилось издать серию научных пособий по русской палеографии, хронологии, метрологии, сфрагистике и т. д. Я, впрочем, знал это, и не только знал, но уже успел приложить руку к «Русской палеографии» Л.В. Черепнина, изготовив для нее буквицы. Теперь на очереди стояла «Русская геральдика». Автором, естественно, был Лукомский. Для нее оказалось необходимо довольно значительное число таблиц. В. К. поручал это дело мне. Помимо всего прочего, это был большой акт доверия: я знал, что Лукомский давно работает с другим художником, который успел уже кое-что сделать для кабинета вспомогательных дисциплин. А вот это — капитальное — дело поручалось все же не ему, а мне...

Гордость меня так и распирала. В изготовление первых таблиц я вложил все свое умение, всего себя. Мне повезло еще в одном смысле. Я жил в то время в коммунальной квартире вместе с одним художником, с которым мы дружили. Поделился с ним моей радостью. И он, болея за меня, значительно младшего по возрасту, выделил для этой работы чудесную японскую гуашь ярчайших тонов, крившую необыкновенно ровно. Когда первые таблицы были выполнены, я сам поразился, сколь они были хороши. Владислав Крескентьевич смотрел долго. Ничего не сказал. Потом достал с полки свою «Русскую геральдику» и сделал дарственную надпись...

После этого наши отношения стали еще теснее. Он уверовал в меня и доверял мне настолько, что давал на дом альбомы и атласы, которым не было цены. Однажды он вдруг достал небольшую шкатулку и открыл ее. Боже правый, что там оказалось! Я был буквально ослеплен. Такого не доводилось видеть и

в музеях... Это была коллекция перстней. Золотые, серебряные, платиновые, с алмазами, рубинами, жемчугом, перстни-печати, перстни-эмблемы... Он принялся давать пояснения к некоторым из них. Особенное впечатление производило не золото и серебро, а... железо. Железные колечки, почерневшие от времени, — кольца офицеров Отечественной войны 1812 года...

Он прочитал вопрос в моих глазах и тут же ответил:

— Это собиралось поколениями. Из того, что вы видите, по крайней мере одна треть — фамильные ценности. Затем, помолчав, добавил:

— Здесь все, что осталось от моих уникальных коллекций. В блокадном Ленинграде, отправляясь в бомбоубежище, я всегда брал эту шкатулку с собой. Поэтому она и уцелела в ту страшную ночь, когда сгорело все... Сгорел дом, а вместе с ним и моя библиотека, мой геральдический фонд и весь архив...

Я видел, как он страдает, вспоминая об этом. И постарался переменить тему:

— Мне показалось, что на перстне, который вы носите, графская корона. Верно ли это?

Он как-то странно посмотрел на меня. Улыбнулся.

— Да, вы не ошиблись. Это действительно графская корона. Но род наш не графский. Чуть повыше. Княжеский. Ведет он начало с XV века и происходит от литовского князя Ольгерда.

Я знал это. Вычитал у Брокгауза.

— Но все-таки, почему же графская корона?

— Я младший в роду. Княжеская корона принадлежит моему брату...

И тут я задал несколько бестактный вопрос:

— Скажите, Владислав Крескентьевич, почему на вашей «Русской геральдике», написанной в соавторстве, указано «барон Н. А. Типольт», а «Лукомский» — просто, без титула?

Он весело рассмеялся. Но на вопрос, по существу, не ответил.

— Достаточно и одного барона. Будь там еще и граф, вряд ли мы с вами сидели бы сегодня за этим столом... Но лучше я расскажу вам кое-что о моем брате.

Он, видимо, очень любил своего брата, Григория Крескентьевича, жившего в то время в Берлине. Говорил о том, как с помощью геральдической экспертизы доказал его титул. Говорил о его талантливости, разносторонности.

— Бог дал ему необъятно много. Это человек глубокого и светлого ума, архитектор, искусствовед, художник, писатель... Жаль, у меня под рукой нет его последней книги, изданной в России. Это — «Старый Париж», с его же иллюстрациями...

Я, конечно, нашел в библиотеке и прочитал эту книгу. Много позже удалось приобрести ее у букиниста. Но тогда уже не было Владислава Крескентьевича...

...Это произошло в жаркое летнее утро 1946 года. Помню, собрав эскизы очередных таблиц, я готовился отправиться к нему, когда раздался роковой телефонный звонок. Она сказала просто:

— Владислав Крескентьевич умер. Вчера, на даче. Приступ стенокардии. Медицинская помощь опоздала.

... Медицинская помощь опоздала... Эта фраза колесом закружилась в голове. Я как-то сразу даже не понял, что произошло. Медицинская помощь опоздала... Но ведь я же видел его два дня назад бодрым и здоровым... Казалось, он не мог так уйти...

Но он ушел. А потом... Собственно, «потом» уже не было — на этом все кончилось. Недописанное учебное пособие сгнуло, а с ним вместе и мои таблицы — кому они теперь были нужны? Ближе к осени меня вызвал Александр Игнатьевич Андреев.

— У нас не осталось специалиста по геральдике. Владислав Крескентьевич не дочитал курса. Не могли бы вы его продолжить?

Но «продолжить» мне не довелось. Вскоре началась кампания против «космополитов», кафедру разгромили, Андреев был уволен и уехал из Москвы. До геральдики ли было в то время? Да и позднее...

В общем, все следы проделанного в те годы исчезли, растворились в воздухе. Осталась немеркнущая память о последнем рыцаре. Ей и посвящаю этот этюд.